

судьею состязавшихся. Онъ стоялъ на возвышеніи въ родѣ амфи-театра. По окончаніи рыцарскихъ игръ, онъ сказалъ по-французски кавалерамъ и дамамъ: «я—старѣйшій фельдмаршалъ въ Европѣ, я на службѣ шестьдесятъ пять лѣтъ; я водилъ къ побѣдамъ славное русское воинство, считаю настоящія минуты драгоцѣннѣйшею въ моей жизни наградою, и горжусь, что избранъ судьею вашихъ блистательныхъ подвиговъ, благородные дамы и кавалеры!» Онъ вручилъ первый призъ графинѣ Чернышовой и передалъ ей для раздачи другимъ лицамъ призы.

Этими игрушками императрица думала развлекать дворянство и отвлекать отъ политическихъ волненій, которыя считала возможными, вслѣдствіе своего необычнаго вступленія на престолъ.

Старый фельдмаршалъ надѣялся еще жить долго. У него была вѣра въ то, что его поддерживаютъ на свѣтѣ благодѣянія, которыя онъ щедро оказывалъ всѣмъ, вѣрный своему правилу непремѣнно каждый день исполнить какое-нибудь богоугодное доброе дѣло, за которое вечеромъ въ тотъ же день одобрить его собственная совѣсть. Человѣкъ благодѣтельный долженъ прожить до ста лѣтъ,—писалъ онъ Бюшингу. Но когда ему исполнилось слишкомъ восемьдесятъ пять лѣтъ, ему сильно хотѣлось удалиться на свою Ольденбургскую родину и онъ подалъ Екатеринѣ просьбу объ отставкѣ; въ этой просьбѣ сравнивалъ себя съ Верзениемъ, котораго царь Давидъ не охотно отпускалъ отъ себя (Царств. II, гл. XIX, ст. 34): «Вкусъ мой не прельщается пиршествами, гласы пѣвцовъ и пѣвицъ не плѣняютъ уже моего слуха. Зачѣмъ рабъ твой будетъ въ тягость своему царю! Дозволь, всемилостивѣйшая государыня, рабу своему возвратиться и умереть у гроба отца своего и матери». Но государыня, уже прежде отказывавшая ему подъ разными предлогами, и теперь просила его подождать немного, увѣряя, что нѣтъ у ней другого, который бы могъ замѣнить его въ это время. Екатерина намѣревалась созвать депутатовъ для уложенія законовъ и уже разослала по Россіи свой «Наказъ»; она вручила экземпляръ и сыну Миниха, для передачи отцу, и желала, чтобы старецъ, прочитавъ его, сообщилъ ей свои мнѣнія.

Но этотъ даръ засталъ Миниха на смертномъ одрѣ. Онъ заболѣлъ лихорадочными припадками и колотемъ въ боку. Чрезъ двѣ недѣли онъ сталъ выздоравливать, и тутъ доставленъ былъ ему отъ императрицы экземпляръ ея «Наказа». За четыре дня до смерти, онъ писалъ въ Ольденбургъ, что былъ боленъ, но болѣзнь уже проходитъ и онъ надѣется, что скоро силы его со-